

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ

ЧУВСТВ

Читайте остросюжетные

психологические романы

Ирины **ГРИН**

в серии «Переплетение чувств»:

Нарушенная заповедь

Стать смыслом его жизни

Бог счастливого случая

Эффект прозрачных стен

Сквозь аметистовые очки

Чужая лебединая песня

Сети кружевницы

ИРИНА ГРИН

СЕТИ
КРУЖЕВНИЦЫ

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г85

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

В коллаже на обложке использованы фотография
и иллюстрация:

© Vinokurov Kirill, NadzeyaShanchuk / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Грин, Ирина.

Г85 Сети кружевницы / Ирина Грин. — Мос-
ква : Эксмо, 2020. — 320 с

ISBN978-5-04-182190-6

В детективное агентство «Кайрос» обратился Петр Бородин с просьбой найти мать Инги, внучки его старой знакомой. У него есть собственные соображения по поводу тайны происхождения девушки, но он не спешил ими делиться...

У Инги сохранились смутные воспоминания о матери, ведь ее вырастила бабушка. Вся жизнь девушки сосредоточена в коклюшках, на которых она плетет удивительной красоты кружева. Но действительность грубо врывается в ее уютный мирок, когда кто-то присылает ей письмо с угрозами...

Некоторым тайнам лучше оставаться в прошлом. Когда их извлекают на свет, это может привести к непредсказуемым последствиям...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Грин И., 2020

© Оформление.

ISBN 978-5-04-182190-6

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Снегопад прекратился, но резкий ветер разогнал пешеходов по домам. Нужный дом Инга увидела сразу. Его нельзя было не увидеть. Единственная на всю улицу новенькая шестнадцатизэтажка, великан, затесавшийся в компанию низкорослых соседей. Домофон на входной двери защищал жильцов от непрошенных гостей. Конечно, будь на месте Инги кто-нибудь другой, непременно позвонил бы. Но она предпочла мерзнуть, пока из подъезда не выскочил парень в распахнутом пальто. Нужная квартира находилась на двенадцатом этаже. Открытая дверь лифта звала прокатиться, но стоило Инге подойти, как она с устрашающим лязгом захлопнулась, словно мышеловка.

Инга тщательно отряхнула сапоги от снега и только потом нажала на кнопку вызова. Она понимала, что сапоги — это лишь предлог, способ отодвинуть неминуемо приближающуюся встречу, и ругала себя за трусливую слабость.

Пол лифта ошутимо дрогнул под ногами, словно в кабину вошла не стройная невысокая девушка, а тетка килограммов под сто с двумя увесистыми пакетами в руках. Инга испуганно попятилась. Стоило ей

снова оказаться в относительной безопасности подъезда, как створки дверей неспешно пошли навстречу друг другу, а потом резко захлопнулись, словно челюсти прожорливого зверя. Такому только попадись! Перспектива стать чьим-нибудь обедом не радовала, поэтому, в очередной раз махнув рукой на ежедневно даваемое себе обещание ничего не бояться, Инга пошла наверх пешком. А почему бы и нет? При ее малоподвижном образе жизни двенадцатый этаж — то, что доктор прописал.

«Ли-ля-ле», — напевала про себя Инга, поднимаясь по ступенькам.

Лиля Леонидовна. Ли-ля-ле. Странно, что женщина с настолько певучим именем так назвала свою дочь — Инга. Имя твердое, словно обломок камня. Острое, неудобное. То ли дело Лиля! Лилия. Лилия Леонидовна. Имя — будто песня соловья, птицы пусть и невзрачной, но с чистой нежной душой. Хотя, судя по фотографии, невзрачной Лилию Леонидовну не назовешь. Блондинка с короткими волосами, уложенными перышками, она, скорее, похожа на венценосного журавля и совсем не напоминает бабушку.

Бабушка — та скорее сродни вороне. Белой — сколько Инга себя помнила, две бабушкины косички, которые она сплетала на макушке в виде венка, были совершенно седыми. А еще бабушка была ни на кого не похожей. Абсолютно. Небольшого роста, сухонькая, она обладала воистину фантастической особенностью заполнять собой все окружающее пространство, обволакивать, находиться одновременно в каждой точке их небольшого доми-

ка в Кулишках. Порой бабушки было так много, что Инге хотелось убежать, спрятаться, скрыться, чтобы хоть на несколько минут вырваться из-под опеки, накрывшей, казалось, всю деревню разноцветным лоскутным одеялом.

В такие минуты Инга отлично понимала свою мать, сбежавшую из дома после девятого класса и отбросившую всю свою предыдущую жизнь, как змея ставшую тесной кожу. Очевидно, выходя замуж, она сменила не только фамилию, но и имя с отчеством, превратившись из Галины Семеновны Гусевой в Лилию Леонидовну Дунаеву. Хотя с замужеством не очень понятно — в свидетельстве о рождении у Инги в графе «Отец» стоит прочерк. Аккуратненький такой и очень обидный, потому что отец у Инги точно был. Она, конечно, мало что помнит — к моменту, когда мама привезла ее к бабушке ненадолго, и, как потом оказалось, насовсем, ей было всего пять лет. Но отец — вечно мрачный, недовольный, пугающий — сохранился в памяти. Нет, он не приходил в снах, как мама, не напоминал о себе случайно пойманным в воздухе отголоском аромата знакомых духов, мягкой интонацией чьего-то голоса. Он просто был.

На десятом этаже Инга остановилась — не для того, чтобы перевести дух, нет. Просто с каждым шагом страх перед предстоящей встречей становился все сильнее. Лестница каким-то непонятным способом превратилась в болото. Каждая ступенька затягивала, и для нового шага приходилось буквально выдирать ногу из трясины.

«Трусиха! — обругала себя Инга. — Соберись! Хотя бы ради бабушки! Ведь она так этого хотела!»

Легко сказать — соберись. Но как это претворить в жизнь? У Инги в запасе имелись два волшебных слова, ее своеобразная мантра, позволяющая на время выпасть из реальности. Наверное, именно благодаря ей она выстояла в атмосфере всеобъемлющей бабушкиной опеки и не сбежала, как мать, полностью обрубив концы, сменив имя, отчество и фамилию. Слова эти, многократно произнесенные, избавляли голову от ненужных мыслей, суеты и тревог, помогали сконцентрироваться и обрести пусть слабую, но все-таки уверенность в своих силах.

«Перевить, — Инга поставила ногу на первую ступеньку лестничного пролета, сделала шаг и добавила, — сплести. Перевить-сплести. Перевить-сплести...» Трясина отступила, превратившись в проселочную дорогу после дождя. Ноги все еще вязли, но не так, как раньше.

Вообще-то, перевить-сплести — это два основных приема плетения кружев на коклюшках. Перевить — перебросить правую коклюшку одной пары через левую. Сплести — поменять местами внутренние коклюшки, из правой руки подсунуть под левую и натянуть. И вот так, перевивая и сплетая, сотни лет кружевницы плели кружева, передавая свой дар детям. Вот только мама не захотела принять этот дар у своей мамы, и он достался Инге. Почему так получилось? Может, мама обижалась на кружева, считая, что бабушка любит их больше, чем свою дочь? А может, имелась еще какая-то причина? Еще пара ступенек, и Инге представится возможность это узнать.

На лестничной клетке перед дверью квартиры, где жила мать, Инга машинально пригладила воло-

сы, смахнула невидимые пылинки с плеча, выдохнула и решительно нажала на кнопку звонка.

В глазке свинцово-серой металлической двери произошло какое-то движение. Инга поняла, что кто-то внимательно рассматривает ее. Затем дверь приоткрылась. На пороге стояла невысокая темно-волосая девушка, судя по всему, ровесница Инги.

— Чего надо? — недовольно спросила она.

Уверенность, приобретенная два лестничных пролета тому назад, разом покинула Ингу, и ноги словно превратились в русалочий хвост — вроде они и есть, но невозможно сделать ни шагу.

— Здравствуйте! — из последних сил стараюсь сохранить спокойствие, произнесла она. — Мне нужна Лилия Леонидовна. Позовите ее, пожалуйста.

Но звать не пришлось.

— По какому вопросу? — К девушке присоединилась женщина.

Инга заметила, что они очень похожи: темно-волосые, смуглые, с большими карими глазами и крупными ртами, они чем-то напоминали двух галок. У Инги промелькнула мысль, что прошедшие годы были не слишком добры к матери, превратив ее из венценосного журавля в галку. Но все-таки прошло почти двадцать лет. Неизвестно, в кого она сама превратится в этом возрасте.

— Я... Я... — не в силах произнести ни слова, Инга полезла в висевшую на плече сумочку и, порывшись, вытащила из нее свидетельство о рождении в прозрачной пластиковой папке. — Я — ваша дочь, Инга.

На несколько секунд на лестничной площадке воцарилась немая сцена, вроде той, из гоголев-

ского «Ревизора», а потом молодая галка выкрикнула:

— Что? Какая еще дочь?

— А ну-ка. — Галка постарше вырвала из рук Инги злополучную папку и крепко стиснула ее за пястье. — Дочка, звони срочно в полицию. Сейчас узнаем, кто украл твои документы! Мошенница!

— Я?.. Нет! — Инга что есть силы дернула на себя зажатую, словно тисками, руку.

Не ожидавшая такой прыти галка слегка ослабила хватку. Инга ухитрилась выскользнуть из ее цепких пальцев и рвануть вниз по лестнице. Бывшая трясина превратилась теперь в батут, каждая ступенька пружинила, благодаря чему Инга не перебирала ногами, а взлетала и переносилась через несколько ступенек со скоростью быстрокрылого стрижа. Вот за спиной хлопнула дверь подъезда, и холодный зимний ветер обжег пылающее лицо.

Она неслась, не видя ничего вокруг. Сердце бешено колотилось, под ногами оглушительно скрипел снег, а в ушах продолжал звенеть надрывный крик:

«Дочка! Звони срочно в полицию!.. Мошенница... Украла!.. Мошенница!.. Украла!.. В полицию!..»

Она уже давно поняла, что за ней никто не гонится, крик — это игра ее разгоряченного воображения. То ли от колючего ветра, то ли от отчаяния из глаз текли слезы. Кто-то попытался остановить ее. Кто-то ухватил за локоть и спросил, все ли в порядке. Кто-то разразился вслед замысловатой бранью. А она все неслась, подгоняемая стыдом и отчаянием, пока не оказалась на вокзале.